

«Хлеб — батюшка, кормилец», — говорит народная поговорка. Золотой россыпью лежит он на столах, откуда непрерывным потоком отправляется на заготовительные пункты.

Радует сердце Веры Курилеко — колхозницы артели «Новый путь», когда она смотрит на полновесное зерно — алтайский хлеб!

Натва приближается к концу. Только за третью пятнадцатую сентября скошено зерновых более 5 миллионов гектаров, а всего с начала жатвы — свыше 102 миллионов.

Все внимание советских людей сейчас приковано к Казахстану и Сибири, где идет напряженная борьба за первенство в соревновании за быстрое и качественное уборку хлебов. Сибиряки заметно отстают от хлеборобов Казахстана, которые уже убрали более 21 миллиона гектаров хлебов, то есть 95 процентов.

В Казахстане заканчивается декаданс по уборке урожая. Он проходит под лозунгом: «Дать Родине миллиард пудов зерна». В счет казахстанского миллиарда в закрома государства уже поступило свыше 800 миллионов пудов зерна.

Много героев уборочной страды — Петр Музыкин, Григорий Зубков, Петр Ляхно и сотни других. Славный трудовой подвиг совершил комбайнер Григорий Зубков: с начала косовицы он убрал без малого две с половиной тысячи гектаров, в несколько раз превзойдя среднесезонную выработку на косябай.

Труженики полей Казахстана, Сибири, Урала пожинать богатые плоды своего труда. Наша страна нынче получит столько хлеба, сколько она его никогда не получала. И это радует всех нас — тружеников города и деревни.

Навстречу Дню поэзии

В воскресенье, 30 сентября, более 150 поэтов встретится с читателями в книжных магазинах столицы. Вопросы, связанные с подготовкой к этому дню, были посвящены открытому партийному собранию московской секции поэтов с участием директоров книжных магазинов, представителям Москиногорта и центральных газет.

Серьезно обсуждался вопрос, готовы ли магазины столицы к этому дню, не получится ли так же, как в прошлом году, когда после упорных утверждений книгопродавцов, что поэзия «не идет», большинство поэтов — участников встреч — не имело возможности продать свои книги, потому что на полках их попросту не было.

Правда, сейчас к встрече поэтов с читателями должен выйти подготовленный издательством «Московский рабочий» сборник «День поэзии», в котором представлено творчество более 120 активных работающих поэтов разных направлений и возрастов. Издатели обещают дать к 30 сентября первые десять тысяч экземпляров книги, а это значит, что в каждом магазине будет притти по четыре экземпляра сборника, и поэты смогут рассказать читателям не только о своем творчестве, но и о творчестве многих своих товарищей по перу. В Ленинград вышла книга «Стихи 1955 года», задача Москиногорта обеспечить магазины и этой книгой.

Во вступительном слове Л. Ошанин отметил, что в этом году встречи с читателями будут проводиться в новых магазинах, расположенных в крупнейших рабочих районах столицы. Отличительной чертой Дня поэзии 1956 года является и широкое участие в нем молодежи — студентов Литературного института и членов литобъединений столицы. Л. Ошанин говорил о большой ответственности поэтов за то, как пройдет встреча с читателями, взывавшая в прошлом году столь большой интерес.

Затем поэты-бригадир рассказали о том, как готовятся к этому дню книжные магазины. К сожалению, не везде дело обстоит благополучно. В магазине № 11, по улице Горького, например, на книжных полках В. Бова не обнаружены ни одной поэтической книжки. В подвале же, под слоем пыли, лежат и уценены из года в год произведения сорока пяти поэтов. Когда книги эти были оценены от пыли и доставлены наверх, директор магазина Д. Фраер простодушно сказал: «Вот что получается, если сведущий человек спускается в подвал!»

В связи с выступлением В. Бова уже далеко не в первый раз поднимался вопрос о необходимости выращивать квалифицированные кадры продавцов книг. В Карпеко сообщит, что в магазине № 29, на Октябрьской улице, где будут выступать поэты, совсем нет поэтической литературы; не продается технические и сельскохозяйственные книги, медицинские журналы.

Хорошо подготовились к приему читателей и поэтов магазины № 66 у заставы Ильича, № 103 — в Текстильщиках. Директор магазина № 90 Н. Сидоров рассказал, что в нем создан отдел поэзии, оформлена оконная витрина, подготовлена картотека поэтической литературы. Когда в магазине были вывешены плакат, сообщающий о предстоящем выходе сборника «День поэзии», от читателей стали поступать предварительные заказы на него. Н. Сидоров критиковал плохое оформление поэтических книг, и немудрено поэтому, заметил он, что книги эти не украшают витрины магазинов.

О подготовке к Дню поэзии книжных магазинов говорил и директор Москиногорта С. Поливановский. Он внес предложение провести среди читателей анкету о том, произведения каких поэтов им хотелось бы прочитать и купить. В Захарченко предложил организовать, как он назвал, «дрейфующие бригады», которые ездили бы из магазина в магазин. Это даст возможность читателям встретиться со многими поэтами. В. Тушнова критиковала газеты и радио за плохое освещение подготовки к этому дню.

— День поэзии — не только большой праздник, это серьезная проверка качества нашего творчества, и мы должны провести его так, чтобы оправдать интерес, который проявляют читатели к предстоящей встрече, — заявил А. Жаров. На собрании выступили А. Ситковский, А. Филатов, А. Кленов, Д. Фраер, Е. Евтушенко, Н. Коченов.

Бульварные связи с Финляндией

В развитии дружественных отношений между Советской страной и Финляндией, по решению Министерства культуры СССР, на Таллинской студии телевидения с 1 октября начнутся регулярные телевизионные передачи на финском языке для населения Финляндии. Жители финских сел и городов смогут два раза в неделю знакомиться с лучшими советскими художественными, документальными, научными и детскими фильмами, с концертами, спектаклями. Кроме того, будут подготовлены специальные литературно-драматические передачи по произведениям финских прогрессивных писателей.

Перед финским народом будут выступать по телевидению деятели науки, культуры и искусства, передовики промышленности и сельского хозяйства, а также финские общественные деятели и туристы, посещающие Советский Союз.

В подарок Хельсинкскому университету готовится ценная библиотека в три тысячи томов. В нее входят собрания сочинений и наиболее значительные произведения русских писателей-классиков и ученых, около 600 томов произведений советских писателей. В библиотеку включены также книги по театру, кино и изобразительному искусству. Большой раздел занимает новейшая научная и техническая, сельскохозяйственная и медицинская литература, энциклопедия, справочники, словари.

До конца нынешнего года в Финляндию побывает группа солистов советской эстрады.

18 сентября в Центральном доме литераторов был проведен семинар для продавцов книжных магазинов.

НА ЦЕЛИНЕ

На память и на радость!

В начале августа я неожиданно получил письмо из Алма-Аты, где у меня до того не было никаких корреспондентов. Писал мой знакомый, москвич, работник Министерства совхозов. С разрешения автора привожу несколько отрывков:

«...Я перед вами «без вины виноват», не сдержал обещания повидаться: как раз в день, отведенный для встречи с вами, получил путевку и вылетел в Казахстан на республиканское предуборочное совещание.

Совещание во многих отношениях было знаменательным. Это еще не день победы, но уже канун победы. Казахстан даст хлеба государству один миллиард пудов. Многие совхозы сдадут по 2—3 миллиона пудов. Из этого факта рождаются новые дерзания, мечты и реальные планы.

Совещание было гимном покорителям целины. Оно дало ответ и на некоторые волнующие вас «проклятые» вопросы.

На целинных полях развертывается сейчас уборочная эпопея, именно теперь победный пафос достиг самой большой высоты. Только в Казахстане на уборку прибыло 360 тысяч молодых рабочих и студентов. Будут работать сотни тысяч разных машин.

Это такой большой хлеб, который, чтобы достойно показать в книге, надо видеть своими глазами...»

Алексей КОЖЕВНИКОВ

Как муравьи в потревоженном муравейнике, всюду сплужут грузовые машины и бензовозы. В полном разгаре жатва. Пыль, поднятая машинами, застилает горизонт, как дождевая туча.

Механику скоро выйдут. Он начинает извиняться перед девушками, что не сумел показать былую целину. И вдруг счастье — станция не принимает нас, забыта ашелоном. Наш поезд останавливается, а рядом между насыпью и пшеничным полем лежит непашанная, истинно первозданная, ковыльная полоса, должно быть, оставленная для защитных лесонасаждений.

Мы все, кроме старухи, выбегаем на ковыльную целину. Механик простраивает над ней руки и говорит, обводя торжествующим взглядом горизонт:

— Вот вы, везде, кругом была такая. Представьте себе, что ничего больше нет, ни домов, ни дорог, ни машин... Ковыль да небо.

Девушки долго глядят на серебристый с бледной проселком, нежный, как паутинка, волнующий ветром, точно бегущий куда-то, сверкающий лунным светом ковыль, мысленно ширят его на всю степь, потом беленькая горит со вздохом:

— Нет, я не могу представить.

— Я тоже, — вторит ей темненькая, — не хватает воображения.

— Что не можете представить? — спрашивает механик.

— Везде только один ковыль, и через два года уже все это: пшеница, комбайны, железная дорога, — отвечает беленькая.

— Чудо, — прибавляет темненькая.

Потом беленькая нарывает снопик ковыля, а темненькая — снопик пшеницы из несжатой комбайном борозды.

Открывается семафор. Едем дальше. Станция. Механик приехал домой. Когда он начинает прощаться с девушками, беленькая подает ему ковыль и говорит:

— Это вам на память о былом! Сама, наверно, позабыли оставить, запахла весь.

— Да. Вы угадали. Спасибо! — говорит механик.

— А это — на радость! — и темненькая подает ему пшеницу.

Поезд медленно, будто нехота, выбирается из стальной тесноты, на мы долго видим, что механик стоит на платформе. В руках у него ковыль и пшеница, как два символа великой эпопеи преобразования целины.

Большой хлеб

Уже три недели не жалею я по целине, на грузовиках, на совхозных «козлах» и «победах» областного начальства. Проехал больше тысячи километров, побывал в десятках уборочных бригад, говорил со всякими людьми, от министерских работников до сторожей на току.

Среди множества разных впечатлений самое главное: на целину пришел воистину большой хлеб.

Куда ни помотришь — везде хлеб и хлеб. В одних местах он стоит обширными, еще не сжатыми массивами, в других его косят, золотыми водопадами летят он из комбайнов в автомашины, затем мчится на току для очистки, на зерноскладах для сдачи государству. На заготовительных пунктах день и ночь зерно пылет по транспортерам в вагоны, огромными ворохами, выше железнодорожной насыпи, лежит вдоль путей, ожидая погрузки. Такие же вороха лежат в каждом совхозе. Все целинные дороги усеяны пшеничным зерном, разбрызганным при перевозке.

— Удивительный этот год на целине. Все силы земли и неба так удачно сошлись, будто поговору решили отблагодарить целинников, — рассуждает мой спутник, агроном, перебарывая с ладони на ладонь три увесистых, крупнозерных колоса. — Я выдвинул хлеб, много хлеба, но столько, как здесь, не приходилось. Вот теперь принять бы его достойно.

Суховатый, длиннолицый и зоркий, как степной беркут, агроном пристально оглаживает нежатую пшеницу и, заметив что-то, велит шоферу проехать по первому же прокусу влево. Там, вдали, я вижу только низкое, дохматое облако пыли, каких над целиной теперь множество. Они висят над токами, над работающими комбайнами и бегущими машинами. У агронома наметая глаз, по форме облака он безошибочно направляет машину на ток.

Это совхозный ток, которому предстоит принять, переработать и отправить на заготовительный пункт миллион пудов зерна.

На первый взгляд ток кажется лесным низовым пожаром, когда огонь идет под землей, по корням деревьев, а над землей висит густой дым, сквозь который поточный огонь, падающий лес едва виден. Тот застигла плотная темно-каштановая пыль. В ней что-то дрыгалось, шумело, фыркало. Но когда мы зашли под пыльный полог, все приняло свой настоящий вид, стало понятно.

Ток занимал ровную, утрамбованную площадку в несколько гектаров среди уборочного поля. На один край площадки постоянно прибегали грузовики с зерном от комбайнов. На грузовик тотчас забирался три-четыре человека с деревянными лопатами и выбрасывали зерно в бунт. С другой стороны бунта стояли веялки, зернопухляки. Бригады парней и девушек насыпали в них зерно ведрами и лопатами. Другие бригады деревянными ящиками с ручками, как у носилок, перегружали очищенное зерно в новый бунт. Оттуда два зернопогрузчика подавали его в автомашину. Потом зерно уезжало либо прямо на железную дорогу в заготовку, либо на другую половину тока, где его сысали в

бунты по виду в точности, как друсыатные крыши длинных кирпичных сараев. И так день и ночь!

На ток уже больше десятка таких бунтов, они лежат рядом, отделенные друг от друга узенькими промежутками для проезда машин. Бунты уже считаются сданными государству и называются «глубинкой», то есть глубинными складами («Заготзерн»). Это совсем не идеальный способ хранения зерна, куда лучше быть ему под крышей элеваторов, чем среди поля под капризным осенним небом. «Глубинки» открывают, как крайность, когда зерно не на чем отвозить сразу в элеваторы или там, в элеваторах, уже нет свободного места.

Ток работает не совсем слаженно, с перебоями. Вот две машины, отправленные в заготовку, привозят зерно обратно. Его отказались принимать: слишком велика сорность. Эта неприятность моментально облетает весь ток. Около вернувшихся машин собирается толпа, поднимается шум. Кто-то кричит:

— У них определенно блат. К черту такие порядки! Еду в Тулу.

Мы с агрономом подходим к взволнованной толпе. Шум стихает.

— Что случилось? — спрашивает агроном.

— Опять обставили нас. У них явный блат, — раздраженно говорит чужацкий паренек. Здесь все — парня, девушки, грузчики, мотористы, шоферы — одинаково чужаки. Над целиной нередко разгуливают пыльные брии, в затопке пылью оседают на хлеба, а при уборке — на хлеборобов. И на ток уже выглядят бригадистами.

— Не шуми, — говорит агроном паренек ввнушительно. — Скажи толке, что случилось?

— Опять обставили нас вологодские девчонки.

— А кто — вы?

— Тульские, шахтеры.

В току на уборку приехали три сотни вологодских студентов (большинство девушек) и сотни тульских угольщиков. На некоторых участках, особенно на очистке зерна, студентки выработывают больше забойщинок, откатчинок и других мастеров угольного дела: у студенток зерно идет в заготовку, как по маслу, а шахтерам иногда возвращают на повторную очистку. Это бьет и по карману и — еще обидней — по самолюбию.

Агроном осматривает возвращенное зерно, даже без пробы, на глаз видно, что сорность выше приемлемой, и приказывает разгрузить машины в неочищенный ворох.

Шахтеры ахают: семь тонн чистить заводу, но спорить бесполезно, и принимают бросать пшеницу в веялку.

— Сперва веяlichem, веяlichem! — кричит агроном. — Смотрите на них! — и показывает на студенток и девушек-шахтерок, которые каждый ворох до того, как пустить в машину, старательно обметают веялками. В зерно много всякого мусора: железных листочков, лепестков, медью искрошенных комбайном стелбей. При каждой перевалке этот мусор, как более легкий, ложится поверх зерна, вороха кажутся подернутыми пеленкой. Если не убрать эту пеленку, она даст сырость, и зерно начнет гнить».

— Вот еще. Мы забойщики, нам уголь рубать, — отказываются шахтеры.

— На голодный желудок не много нарубаете, — настаивает агроном, — сперва во всяком деле — хлеб.

— Хлеб мы уеваем. Не то приехали бы к вам, — пререкаются шахтеры. — А веялки — бабье дело. Вернемся домой и скажем стыдно, что робили: Веяlichem махали.

— Вы не повороте бабье дело! Иной раз оно лучше мужичьего. Кто вас обставит? То-то! А веяли, знайте, — самая важная зерноочистительная машина! — внушает агроном и подбрасывает шахтерам веялки. — Беритесь, беритесь! Нечего стыдиться: не воду пьем, а хлеб делаем.

Нехота, с возвращаем, шахтеры поднимают веялки, а через минуту к девушкам, работающим у другого вороха, летит вызывающий всесильный крик:

— Ну, держитесь! Теперь мы вас на обе лопатки.

Кое-что я записывал осторожно, но это все-таки заметил, и в моменты выжуденных остановок люди потекли ко мне. У них была такая тревога за хлеб, что они говорили наперебой, несколько человек сразу, в один голос, даже не думая спросить, кто я, могу ли помочь.

— Запишите, на весь ток ни одной сушки, всего два зернопогрузчика. Грузим ведрами, лопатами. Когда-то мы перемалываем так миллион пудов. Занимаем с хлебом. Мало автомашин. Зерно сысается в «глубинку». А вдруг неастье — сгорит. Мы за него два года переживали.

— Мы тоже переживаем, — подхватывают шахтеры и студентки. — Мы не уедем, пока не вывезут весь хлеб. Не оставим его так, не можем.

— Запишите, скажите министерствам, железной дороге... Пускай плетут машины, сушки, вагоны! Да поскорей, пока сухо! А мы очистим, погрузим все, до зерна. Не беда, если еще месяц не поспим досыта. Липь бы он, хлеб, сохранился. Мы за него на все готовы!

В каждом совхозе, при всякой встрече с целинниками снова и снова возникает этот разговор:

— Принимайте достойно, укройте, берегите хлеб, который мы вырастили, вырастили: ведь это особый хлеб.

И надо признать, некая не признать, что целинный хлеб действительно особый. Он добыт великим самопожертвованием, возвышенной мечтой о благе Родины, героическим, беззаветным трудом нашей молодежи.

ПАВЛОДАРСКАЯ ОБЛАСТЬ, август 1956 г.

ПЕКИН В ЭТИ ДНИ

Прекрасен Пекин в эти осенние дни. Проспекты и площади, улицы и переулки китайской столицы приняла праздничный вид.

Ранним утром пекинцы нарывают раскупают газеты. Их читают в трамваях, автобусах, на перекрестках улиц.

— Что нового сегодня на VIII съезде партии? — этот вопрос интересует каждого.

Пятый день работает VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, съезд, задача которого, как сказал Мао Цзэ-дун в своей вступительной речи, состоит в том, чтобы «обобщить опыт, накопленный за время после VII съезда, сплотить всю партию, сплотить все силы внутри и вне страны, которые только можно сплотить, для борьбы за построение великого социалистического Китая».

Каждый, кому довелось побывать на земле древнего Китая, мог убедиться, с каким энтузиазмом строит великий народ свое социалистическое будущее.

Еще недавно вместе с нашими китайскими друзьями мы радовались тому, что из нехох перенесенная китайского автостроения в Чанчунь начали выходить машины «Цзефан» — «Освобождение». А сегодня с такой же гордостью мы наблюдаем, как в голубом небе Пекина проносятся первые отечественные реактивные самолеты. Вскоре придут на поля крестьян и первые китайские тракторы.

Но если говорить о наиболее разительных переменах, то, конечно, нужно прежде всего рассказать о людях нового Китая. Теперь никого не удивишь тем, что скажем, грузчик Шанхайского порта Лян И-тянь живет в новом доме, что вчерашний середняк Го Чжун-лу только авансом получил на трудодни больше, чем зарабатывал раньше за целый год. Об этих переменах думаешь, разговаривая с Ван Юнь-год, заместителем председателя сельскохозяйственного кооператива на острове Хайнань. Рассказав о жизни кооператива, он обращается к нам с просьбой похвалиться, указать на недостатки. В этом, казалось бы, незначительном факте видна громадная воспитательная работа, проделанная за короткий срок Коммунистической партией Китая. Ведь еще совсем недавно люди народности ли, населяющей остров Хайнань, жили первобытной общиной, так, как жили их предки сотни лет назад. «Воту грома» приносился в жертву последний буйвол, а в годовщины смерти близких неделями не обрабатывались поля: надо было помнить усопших. А теперь здесь говорят о больших и важных делах — о кооперативе, трудовых, критике и самокритике.

Воспитательная работа партии — это и перемены в сознании вчерашнего середняка.

В деревне Наньшань под Пекином мы познакомимся с жизнерадостным стариком — Ян Цин-шанем. Он рассказал нам, каким трудным был его путь в кооператив.

В семье Ян Цин-шаня 14 человек, а трудоспособных всего трое — он, сын и дочь. Когда в деревне был организован кооператив, Ян Цин-шань решил подождать, присмотреться. Но его дочь Юй Мин, член Ново-демократического союза молодежи, и сын Ян Лин, сельский активист, не хотели выжидать и присматриваться. Споры с отцом ни к чему не привели. И тогда они решили «бастовать» — днем сидели дома. Старик забеспокоился: так, чего доброго, и без зерна останешься. И он сдался — подал заявление в кооператив, хотя по-прежнему сомневался в нем. Но когда семья Ян Цин-шаня получила на трудодни 700 цзиней пшеницы, не считая других продуктов и денег, произошло то, чего никто не ожидал: старик пошел по дворам агитировать за кооператив.

Смотрите, — говорил он. — Я тоже колебался, а вот партия меня научила. Теперь вижу, — правильно сделал.

Двадцать новых хозяйств вступили тогда в кооператив... Постоянные успехи коммунистической партии в переселении старой интеллигенции, значительная часть которой получила образование в США, Англии, Германии и других странах.

«Благодаря длительной систематической работе, проделанной партией, — говорится в политическом отчете ЦК КПК — основная часть нашей интеллигенции находится в тесном союзе с рабочими и крестьянами, а значительная часть интеллигенции стала на сторону коммунизма и вступила в нашу партию».

С волнением рассказывал нам старый ученый, заместитель директора Института философии Академии наук Китая Цинь Юэ-линь о том, как Коммунистическая партия помогла ему после длительной борьбы и исканий пересмотреть свои взгляды.

— Мы, ученые старого поколения, — говорил Цинь Юэ-линь, — почти все были идеалистами. Как и весь народ, страдали мы от империалистического и гоминдановского гнета, но, стоя на идеалистических позициях, мы не могли разобораться в причинах бедственного положения страны.

И вот пришло освобождение. Сама жизнь опровергивала старые идеалистические воззрения ученого. Цинь Юэ-линь перестал верить в «истинный демократизм» и «цивилизаторскую» миссию капиталистической Америки. Земельная реформа, подавление контрреволюционных элементов внутри страны, сопротивление американской агрессии, помощь народному народу в его борьбе против империализма — все эти факты и события помогли Цинь Юэ-линю отрешиться от буржуазной идеологии. Этому способствовали и горячие дискуссии с философами-марксистами.

— Я помолодел душой и сердцем, — сказал ученый.

...В Шанхае, на тихой улице Синьцзе, стоит двухэтажный, легкий постройки домик. О нем вспоминают сегодня, когда в Пекине, в зале Народного политического консультативного совета, делегаты VIII съезда Коммунистической партии Китая подводят итоги славному пути, намечают программу на будущее. Между домиком в Шанхае и величественным зданием, где работает съезд, расстояние далекое и вместе с тем близкое.

В скромном домике на Синьцзе тридцать пять лет назад собрался делегаты I съезда Коммунистической партии Китая. Их было всего двенадцать человек. Подчиняясь требованиям страшной конспирации, участники съезда на пятый день вынуждены были выехать, чтобы избежать полицейской облавы, в город Цзясин провинции Чжэцзян. Они продолжали работу на лодках, под видом увеселительной прогулки по озеру.

Тод от году мужала и крепла Коммунистическая партия Китая. Время тяжелой борьбы, лишения и потерь осталось позади. Тернистые, трудные дороги привели партию к вершине, с которой делегаты VIII съезда с законной гордостью приветствуют восход солнца над обновленной родиной.

И. БАБИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН, 19 сентября. (По телефону)

Научная сессия, посвященная Ивану Франко

Институт литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР и Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР создали двухдневную научную сессию, посвященную столетию со дня рождения И. Я. Франко. В большей части докладов, прочитанных на сессии, анализировались литературно-критические взгляды писателя, и лишь два доклада непосредственно относились к его творчеству.

Содержательным вступительным словом сессию открыл А. Белецкий.

— Со времени шевченковских торжеств, — сказал он, — я не припомню такого блистательного триумфа украинской культуры, как в эти дни.

Перечислив некоторые проблемы, стоящие перед исследователями творчества Франко, А. Белецкий выразил пожелание, чтобы настоящей сессией не была бы только данью юбилею, а явилась толчком к постоянной, углубленной научной работе.

Опираясь на большой, интересный фактический материал, Н. Гудзий в докладе «Иван Франко и русская литература» дал обзор высказываний писателя о русской литературе, показал его отношение к различным русским писателям. Хочется отметить, что в этом докладе, как и в большинстве других, не было юбилейного «всепрошения», не обобщались ошибки и заблуждения Франко, исторически обусловленные и исторически объяснимые.

С докладами такого же характера выступили Е. Кирьяков — «Иван Франко и украинская литература» и Г. Вервеев — «Иван Франко и польская литература».

Деятельность Франко в качестве ученого-фольклориста посвятил свой доклад «Иван Франко и народное творчество» А. Дед. Жаль, что докладчик оставил в стороне вторую часть рассматриваемой им проблемы: как влияло народное творчество на поэтическую деятельность самого Франко.

В докладе «Франко — поэт» В. Шербина охарактеризовал идейные мотивы поэзии Франко, подробно рассмотрел две его крупнейшие поэмы «Иван Вишеньский» и «Моисей». Большое место В. Шербина отвел полемике с исследователями, которые считают интимную лирику Франко чем-то второстепенным, даже компрометирующим писателя. Настроения скорби, тоски, одиночества, встречающиеся в некоторых стихах Франко, вполне объяснимы трудными и сложными условиями его жизни и общественной деятельностью. А художественная ценность лирических стихотворений поэта несомненна.

К сожалению, докладчик ограничился лишь общими определениями, говоря о языке Франко-поэта, о его художественном мастерстве и новаторстве.

Разговор о поэтическом наследии Франко продолжил в своем докладе А. Киселев. Он рассказал об истории создания различных поэтических сборников Франко, о некоторых наблюдениях, сделанных при изучении его рукописей, критиковал ошибки, встречающиеся в книгах о поэзии Франко.

ЭТО — ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

1. Богат и разнообразен животный мир морей, рек и озер нашей страны. Населяющие их рыбы, морские звери и беспозвоночные (крабы, устрицы и др.) широко используются и как продукты питания, и как сырье для многих отраслей промышленности. Особенно же богаты ценнейшими породами рыб внутренних водоемы нашей страны — Каспийское, Азовское и Аральское моря, многочисленные озера и реки. Именно в этих внутренних водоемах обитают рыбы, которые являются составной частью нашего рыбного хозяйства: осетр, белуга, севрюга, стерлядь, сиг, лещ, сазан, судак и многие другие.

Советский Союз является, по сути дела, монополистом по многим ценнейшим видам рыб. У нас добывается больше 95 процентов мирового улова осетровых. СССР занимает также первое место в мире по добыче лососевых, сиговых и крупночлениковых.

Сохранить и преумножить эти истинно драгоценные рыбные запасы, правильно организовать их эксплуатацию представляется нам важнейшей государственной задачей.

Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что при непрерывном увеличении добычи рыбы в открытых водах и океанах уловов во внутренних водоемах и особенно в основных (Каспийском и Азовском морях) не только не увеличивается, а за последние несколько десятилетий резко снижается, причем за счет наиболее ценных видов рыб.

В Каспийском море вылавливали в 1913 году 6.189 тысяч центнеров ценных видов рыб, в 1930 году — 5.710 тысяч центнеров, а в 1954 году — всего 2.775 тысяч. Еще больше оснований для тревоги дает Азовское море, где за последние двадцать лет вылов ценных видов рыб уменьшился более чем в пять раз!

Снижается улов ценных рыб и в других внутренних водоемах. В 1954 году, например, по всему Союзу выловлено в три раза меньше судака, чем в 1930 году, почти втрое уменьшилась добыча вольты и т. п.

2. Чем же объяснить столь резкое уменьшение запасов, а следовательно, и уловов рыбы в Каспийском и Азовском морях?

Несомненно, сказалось то, что в водном режиме этих морей произошла серьезная перемена: резко сократилось поступление в них речных вод. В период 1931 — 1940 годов уровень Каспийского моря снижился из-за этого на 1,8 метра, что повлекло за собой неблагоприятные изменения гидрологического режима в его северной части и дельте Волги. В последующие годы сброс речной воды в Каспий несколько увеличился, но уровень моря в результате неблагоприятных климатических условий снижился еще на 45 сантиметров. Резко, почти втрое, сократился за 25 лет (1926 — 1950 гг.) сток речных вод в Азовское море. В последние годы речной сток несколько увеличился, однако рыбному хозяйству это мало что дает. После отставания в Цимлянском водохранилище в Азовское море поступает обедненная питательными веществами вода и с такой равномерностью, что уже не бывает обычных весенних разливов. В результате во много раз сократились места нереста судака, леща и других рыб. Сокращение речного стока привело к повышению солености моря и ухудшению его кормовой базы.

Резкое ухудшение естественных условий в двух важнейших промысловых водоемах, дающих наибольшее количество ценных видов рыб, настоятельно требовало постоянной заботы о сохранении и дальнейшем развитии рыбного хозяйства не только в этих, но и во всех внутренних водоемах страны.

Нужно, однако, прямо сказать, что в последние 20 — 25 лет этому вопросу не уделялось достаточное внимание. Больше того, рыболовство в Каспийском и Азовском

стремятся увеличивать количество применяемых орудий лова, не считаясь ни с состоянием запасов рыб, ни с установленной нормой вылова. А чрезмерная интенсивность промысла и неограниченный вылов того или иного вида рыбы неизбежно приводит к уменьшению рыбных ресурсов.

Пора, наконец, понять, что вести рыбное хозяйство во внутренних водоемах так, как в настоящее время, дальше недопустимо. Рыбная промышленность должна коренным образом перестроить организацию и методы своей работы. Подобно тому, как в сельском хозяйстве земледельцы, чтобы собрать богатый урожай, сперва возделывают и удобряют землю, затем сеют и обрабатывают посевы, работники рыбного хозяйства, чтобы получить высокие уловы, обязаны постоянно заботиться о состоянии водоемов, улучшать их гидрологический режим и кормовую базу, обеспечивать разведение молоди промысловых рыб. При таком ведении рыбного хозяйства можно будет не только успешно выполнять большие планы добычи рыбы, но и увеличивать запасы ценных промысловых рыб.

Забота о воспроизводстве и охране рыбных богатств возложена в настоящее время на Главные государственные инспекции по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства республиканских министерств рыбной промышленности. Инспекция эти, однако, малокомплектны и без серьезной помощи хозяйственных организаций (рыбных трестов и колхозов) и широких масс рыбаков не в состоянии справиться с такой сложной и большой работой. Инспекции эти, при современной организации, не в состоянии следить и предупреждать нарушение правил рыболовства на обширных территориях, особенно в отдаленных районах. Еще в меньшей степени способны они в настоящее время обеспечить воспроизводство рыбных запасов во внутренних водоемах.

До последнего времени при Министерстве рыбной промышленности СССР существовала Главная государственная инспекция по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, которая, плохо ли, хорошо ли, но координировала и направляла деятельность всех органов охраны и рыболовства. Но Главгосрыблов ликвидировали. И нужно сказать, что положение с охраной и воспроизводством рыбных запасов и регулированием рыболовства резко ухудшилось.

Рыболовные тресты, как правило, не проявляют никакой заботы о состоянии и воспроизводстве рыбных запасов. И понятно, почему. Они несут вель ответственность только за выполнение планов добычи рыбы. Об их работе судят не по уменьшению нарушений правил рыболовства, не по состоянию рыбных запасов в водоемах, а лишь по количеству добытых центнеров рыбы; даже качество ее и ассортимент имеют второстепенное значение.

Нельзя, конечно, дальше терпеть такое положение. На государственные тресты необходимо возложить постоянную заботу и ответственность за состояние водоемов, за проведение мероприятий по мелиорации нерестилищ, по улучшению условий естественного размножения рыб и искусственному размножению, по охране нерестилищ и молоди ценных промысловых рыб. Все работы по увеличению запасов рыб должны входить в планы рыбных

Е. ПАВЛОВСКИЙ, академик, председатель Ихтиологической комиссии Академии наук СССР, Г. НИКОЛЬСКИЙ, член-корреспондент Академии наук СССР, зам. председателя Ихтиологической комиссии Академии наук СССР, Л. ВЕРДИЧЕВСКИЙ, зам. председателя Ихтиологической комиссии Академии наук СССР, кандидат биологических наук, Н. КОЖИН, профессор, член бюро Ихтиологической комиссии Академии наук СССР, В. ЧЕРФАС, профессор, член бюро Ихтиологической комиссии Академии наук СССР.

трестов и учитываться наравне с планами лова. Для разведения молоди и осуществления других мероприятий, направленных на увеличение запасов рыб, следует создавать специализированные хозрасчетные организации.

Нужно повсеместно та же ответственность рыболовецких колхозов за состояние рыбных запасов в отведенных им водоемах.

4. Исключительно велика роль науки в решении проблемы сохранения и увеличения рыб во внутренних водоемах страны. Советские ученые разработали и внедряли в практику эффективные методы, обеспечивающие в искусственных заводских условиях разведение молоди ценных промысловых видов. Успешно решены вопросы разведения молоди осетра, белуги, севрюги, леща, сазана и других. Дело сейчас лишь в строительстве достаточного числа рыбозаводов и хозяйств.

Ученые продолжают работать над дальнейшим усовершенствованием и повышением эффективности рыболовных методов, уточняют биологические и технические нормы, выводят новые гибридные формы и т. д. Но размах рыболовных исследований ни в какой мере не соответствует тем большим задачам, которые стоят в области рыбохозяйственного освоения внутренних водоемов, увеличения в них рыбных запасов и улучшения вылового состава промысловых рыб.

Давно назрела необходимость всемерно расширить масштабы исследований, ускорить создание экспериментальных баз и подготовку рыболовных кадров в отраслевых научных учреждениях.

Следует значительно расширить исследования по разработке теоретических вопросов рыбного хозяйства как в научных учреждениях Академии наук СССР, так и в академиях наук республик.

Существенным недостатком, отрицательно сказавшимся на состоянии рыбных запасов во внутренних водоемах страны, является то, что у нас нет единого государственного межведомственного органа, который был бы хозяином водоемов, постоянно заботился о сохранении и увеличении рыбных запасов и был наделен правами государственного контроля за рациональным использованием рыбохозяйственных водоемов.

Пока же органы рыбной охраны, находясь в ведении Министерства рыбной промышленности СССР, полагают под влиянием его работников, заинтересованных, главным образом, в выполнении планов добычи, готовых ради этого идти на любые нарушения правил рыболовства. К тому же органы рыбоохраны, являясь ведомственной организацией, не могут авторитетно воздействовать на предприятия союзного подчинения, неправильно использующие рыбохозяйственные водоемы и загрязняющие их промышленными стоками водами.

Вот почему для повышения роли органов охраны рыбы необходимо издать их из системы рыбной промышленности и создать Государственный комитет по охране и рациональному использованию природных богатств страны.

На этот комитет можно было бы возложить охрану водных ресурсов и рыбных запасов.

Рыбные богатства внутренних водоемов страны огромны, и при разумном ведении рыбного хозяйства можно не только сохранить их, но и значительно увеличить.

МОЛЬЕР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

Национальный народный театр открыл постановкой пьесы самого народного драматурга Франции — «Дон Жуан» Мольера.

...Еще не перевелись люди, которым представляется, что «народное» равнозначно простому, грубому, примитивному и прямолинейному. Таких зрителей театр, руководимый Жаном Вилларом, поразили своей полной противоположностью по своему пониманию народности. Вы ощущаете это с того момента, как входите в зрительный зал. Занавес не перед вами открыта сцена, убранная черным бархатом. Ступенчатые площадки. В программе сказано: «Сцена представляет дворец». А дворца нет, как не будет и «местности на берегу моря» во втором акте, леса — в третьем, апартаментов Дон Жуана — в четвертом. И только реплика пятого акта верна: «Сцена представляет открытую местность».

От начала и до конца сцена здесь представляет открытую местность. Но вот на ней появляются актеры, и от того, как они ведут себя, как говорят, вы начинаете ощущать и место и обстановку действия.

В наших эстетических трактатах, учебниках и статьях театральная условность безоговорочно отвергается как признак упадочного искусства. Забыто, что условность была присуща народному театру древней Греции, театру Лопе де Вега и Шекспира, она еще живет в театре Китая, Индии, Японии. И дело вовсе не в том, чтобы сцена была похожа на дворец или лес, а в том, чтобы зритель видел все это глазами своей души...

Актеры. Один за другим появляются они перед нами. Станарель (Даниэль Сорано) — он перешел на сцену с листа трагедии XVII века, изображающей этого Мольера в этой роли. Дон Жуан (Жан Виллар) напоминает рисунок Жака Лемана. Зритель может этого не знать или не помнить, но у него все равно будет ощущение того, что персонажи — одновременно живые люди и театральные маски.

Постановщик Жан Виллар не только не боится этого, он сознательно прибегает к подобным приемам. Все в этом театре рассчитано на то, чтобы возбудить активность зрительского восприятия. Если вы будете сидеть и ждать, что вам все покажут, вы ничего не увидите в театре Виллара. Ленивым здесь нельзя быть. Зритель должен работать вместе с актером. Его воображение должно многое дорисовывать. И, конечно, прежде всего и больше всего надо уметь слушать.

Искусство речи высоко развито у актеров французского театра. На спектаклях «Комеди франсез» мы поразились мастерству сценического слова, его необыкновенной легкости и изящества, стремительной быстроте. Но то была речь камерная. В театре Виллара речь рассчитана на большую аудиторию, сцену на открытом воздухе. И оттого каждое слово произносится четко, вы слышите его отдельно от других. Но их объединяет свой ритм — ритм ораторской речи, которую должен уметь слышать каждый человек в толпе, как бы она была велика.

Четкость характеризует и мизансцены, построенные с откровенной геометричностью. Это особенно заметно, когда на сцене — три или четыре персонажа. Они стоят треугольником, параллелограммом, перевернув сцену диагональю. Костюмы действующих лиц условно историчны и опять-таки откровенно театральны. Это яркие цветные пятна, резко выделяющиеся на фоне черного бархата кулис и задника, — красное, зеленое, фиолетовое, белое, коричневое. Лучи прожекторов пересекают сцену. Промышленные световые приборы, на которых мы должны смотреть. И зал замирает, когда столбы лучей, падающих прямо сверху, образуют на фоне черного бархата два ряда колонн, вдувающих в статую Командора.

Я начал с внешнего оформления спектакля потому, что оно особенно для нас теперь своей условностью. Наш театр давно отказался от нее и лишь за последнее время стал понемногу возро-

дать ее. Я не сторонник чистой условности, но разве лучше натурализм, почему-то выдаваемый иными деятелями театра за реализм? В театре Виллара условность уживается с реализмом, но это реализм явно театральный; интонация речи, мимика и движения не претендуют на бытовое правдоподобие, они предельно выразительны, экспрессивны.

Формальные приемы театра Виллара подчинены большим идейным задачам. Об этом лучше всего говорит репертуар театра, основанный на драматургической классике и значительных по содержанию современных пьесах. «Дон Жуан» Мольера — благодарный материал для спектакля, насыщенного большими идеями. В трактовке Виллара это отнюдь не история «сеньорского обольстителя», не пьеса о ненастном женолюбии и жажде наслаждений. Отказавшись от мелочного бытовизма, театр резко подчеркнул философский смысл этой необычно сложной для Мольера пьесы. В трактовке Виллара нет и тени архаизма. Классическая пьеса неожиданно обрывается совершенно современной, — для Франции, во всяком случае.

Дон Жуан — Виллар — не обольститель. Это умный, но изверившийся в жизни человек. У него нет идеалов и нет веры. «Два и два — четыре, четыре и четыре — восемь» — такова философия Дон Жуана. Существующие факты, а вера, убеждения, идеалы, мораль — пустыни.

Ему противостоит Станарель с его наивной верой и нехитрой, но честной моралью. Даниэль Сорано великолепно передает эту контрастную картину — это Станарель, оплошавший не сложный, но зато долговязый в своей основе кодекс правил простых людей.

Так и живут рядом эти два существа — умный барин и простоватый слуга, у каждого из которых есть своя правда своей заблужденности. У Станареля — эдакие инстинкты. У Дон Жуана — смелый ум. Философский конфликт драмы в том, что они противостоят, а не ищут об руку. И может быть, и не ошибаясь, если скажу, что для современного буржуазного общества эта проблема является насущной и злободневной. Интеллект, оторванный от почвы народности и человечности, человечности, не подымавшаяся до высокой интеллектуальной культуры, — не в таком ли аспекте раскрывается одно из противоречий мира, где царит социальное неравенство?

Дон Жуан видит локь и умеет ее обличить, но у него нет идеала, который он мог бы противопоставить лицемерной морали ханжливой Мольера не дал безусловно ясной концепции. «Дон Жуан» — наименее дидактичная из его пьес. Драматург поставил проблему, предостерегая зрителя от пошлости, но почему пьеса звучит и теперь, будья мысли, рождая раздумья.

Автор и театр обращаются к мысли и совести каждого человека, недаром и Дон Жуан и Станарель так часто вступают в прямое общение с публикой. Народность пьесы и спектакля не в том, что они опускаются до уровня общедоступного, а в том, что они поднимают сознание и чувство зрителя, обогащая и обогащая их.

Философия, мысль в этом спектакле воплощены тонкими, специфически театральными средствами. Какое откровенное мастерство монолога показывают Дон Жуан — Виллар, Станарель — Сорано! В устах Моана Шометт музыкой звучит речь Эльвиры в 4-м акте, и мольеровская проза как бы преобразуется в стихи. А сколько блеска в диалогах! Наконец, поразительно своей откровенностью и нюансировкой трио Дон Жуан — Шарлотта (актриса Зина Кампан) — Матюрна (Кристиан Манациоли).

Со спектакля уходило с ощущением того, что приближался к полному искусству. Оно не исчерпывает всех возможных методов и приемов театра, но его право на существование бесспорно. Народу нужно богатство и разнообразие искусства. Одну из его законных форм показал нам французский Национальный народный театр.

Александр АНИКСТ

С л е д ы семейщины

Около десяти лет не бывал я в родных забайкальских местах, у стариков-семейских. Помнится, в первый последний год в «семейщинах» было еще многое из старого его бытия: здесь были еще нерезкие посты и мисочки, сарафаны и кички, начатки и уставчики, те же веревки седой старинки. Тогда, двадцать лет назад, в старобайкальских селах, скажем, в том же Никольском, кондовой уклад жизни которого изобразил я в романе «Семейщина», еще бродящая в глаза тут и там теплые прадедовские традиции, запрещающие переступать черту, отлегающую старозаветные представления от передовых идей советской эпохи.

Слов нет, новое, в недельной борьбе со старым, прокладывая себе дорогу вперед, завоевывало, опираясь, главным образом, на молодежь, одну позицию за другой. Пройдя школу Советской Армии и вернувшись домой, семейские парни пополняли ряды сельских комсомольцев и коммунистов, становились трактористами, передовиками колхозных полей и ферм. И все же старое в идеологии и в быту держалось еще цепко, и казалось, требуется по меньшей мере смена двух-трех поколений, прежде чем от семейщины не останется и следа.

Но уже теперь исчезли бабы кички и домотканые зипуны, попрыгали по темным углам учителя старой веры — уставщики.

Никольские коммунисты и комсомольцы, которым деятельно помогают школьники, пионеры, ведут неслухную борьбу с суевериями и религиозными пережитками. Два года назад пионервожатая никольской семилетки учительница Мария Ивановна Роднова организовала первые в истории села гражданские, без отпевания, похороны умершей семиклассницы пионерки Тани Брылевой. В этой невиданной на семейщине похоронной процессии (с оркестром и венками) участвовали не только дети, но и сотни взрослых... Вначале оказав ожесточенное сопротивление подготовленной «безбожной затее», бородастая старуха, поставленная перед совершившимся фактом, отступила. С той поры гражданские похороны стали на селе обычным явлением.

Немало пионеров в своих стариковских избах, садясь за стол, перестало крестить

церкви-часовые двести семнадцать проповедей-лекций, не считая десятков выступлений на религиозные темы за свадебными столами и на похоронах.

Но вот что прискормно: за этот же год загасские коммунисты и комсомольцы, которых насчитывалось до сотни человек, прочитали населению всего пятьдесят лекций.

Разве не ясно, что, не ожидая, когда под напором новой жизни ринут, отойдут в прошлое все проявления старой идеологии, нужно вести с ней активную борьбу. Насколько необходима эта борьба, можно убедиться из следующего примера.

На крупнейшем паровозо-вагонном заводе, где многие сотни коммунистов, где в каждом цехе своя партийная организация, недавно рассматривалось дело молодого слесаря Ивана Ашихмина.

Он был принят в партию здесь же, на заводе, из комсомольцев. Ни те, кто рекомендовал Ашихмина в партию, ни те, кто принимал его, не знали, что представлял собой этот чернявый разбитый паренек, каковы его жизнь, характер, убеждения. А жизнь его была такова: с детства Иван привык к покорности, во всем слушая свою властную набожную мать, которая была для него высшим авторитетом.

Жили они тогда в поселке Мысовая на берегу Байкала. Набожная мамаша ежедневно посещала местную церковь. Однажды она объявила своему супругу, что решила стать монахиней.

Прошло несколько лет. Церковь в Мысовой за ненадобностью разоблали. «Монахиня» перетянула к себе кресты, иконы, прихватила кое-какое золотишко.

Вскоре семья переехала в Улан-Удэ. Ашихмина купила на окраине избу, в которой открыла молитвенный дом для последователей крупной в горах религиозной секты.

Дело сразу же было поставлено на широкую ногу. Ежедневно в молитвенный дом Ашихминых собирались сектанты. Хозяйка зажигала свечи и, размахивая благоухающим алааном кадилком, пела молитвы. Ревностными ее помощниками были муж и сын Ваня который еще в Мысовой при служил ей в церкви.

Шло время. Ваня Ашихмин определился на паровозо-вагонный завод, выучился там на слесаря, вступил в комсомол. Он был общительным парнем, активным комсомольцем. Но вечером после работы молодой слесарь компрессорного цеха приседался к молитвам, которые продолжались подчас до рассвета.

Дом он не смея покинуть: заработок начинающего слесаря невелик. Доходы родителей росли.

Возмужав, Иван стал заглядываться на девушек, быстро заводил с ними знакомство, сходился и легко расходился...

Наконец, он решил жениться. Ивану приглянулась девушка-комсомолка из соседнего инструментального цеха.

— Наденька! — сказал он ей после второй встречи. — Поидем за меня жуан? Работа у меня хорошая, заработок тоже немалый, твердый оклад, да следящие... Девушка согласилась. Она и не подумала познакомиться с родителями жениха, побывать у него дома. Не задумалась она и над предложением будущего супруга — обвенчаться в церкви, а потом, когда-нибудь после, сойти в загс.

— Венчаться? А зачем? — только и спросила она.

— Матушка у меня сильно привережена к божественному, — успокоил Иван легкомысленную невесту. — Ну, что нам стоит!...

После венчания молодые поехали на квартиру Ашихминых.

В молитвенном доме Надя увидела лопнивших от закусок и бутылочек стол, многочисленных родных и знакомых. По уважительным иконам стенам она скользнула равнодушным взглядом, — пусть, мол, себе молится, ежели им любо!

Наутро, проснувшись, Надя увидела, что под иконами на коленях стоит ее Ваня и шевелит губами. Она чуть не вскрикнула, до того это было неожиданно.

Во время завтрака Надя подалась молчаливо. Молодые супруги молча поехали на работу...

В обденный перерыв Иван прибежал в цех. Он весело поприхватывал жуану.

— С тебе, брат, магарича, жуанку-то в нашем цехе отыскали! — отступили его молодые строгальщики.

Иван отшучивался направо и налево, рстался счастливым улыбки. Закурив глаза, Надя стояла ни жива ни мертва: ей было тоскливо. В глазах мелькала картина: стоит Ваня на коленях, истово кланется и шепчет...

— Ладно, я буду молчать, — покорно произнесла Надя, — но и вы с мамашей не принуждайте меня ни к чему такому.

Первое время у молодой женщины теплелась надежда, что Иван ее со временем одумается, как-никак комсомолец! Однако она ошиблась. Иван не стремился освободиться от религиозных пут. Мало того, вскоре он охладел к Наде. В свободные вечера и выходные дни его не бывало дома.

Оскорбленная Надя в конце концов покинула двуколку попрыга, вернулась в отцовский дом. На это смелости и воли у нее хватало, не хватало лишь на то, чтобы пойти к комсору цеха, в комитет комсомола, разоблачить мерзкого и грязного человека, разбившего ее жизнь.

А руководители комсомольской организации инструментального цеха не обратили внимания на подаленное состояние Наде. Они даже и не слышали о разрыве Наде с мужем.

Тем временем Иван Ашихмин, чувствуя себя в полной безопасности, женился на Версе. После окончания десятилетки Вера жила на живицини отца, скромного слесаря, — самая подходящая жена. С ней можно обращаться покруче.

— Если не будешь креститься, не садись обедать! — строго заявила ей свекровь на другой же день после свадьбы.

С первых дней замужества Веру взяли, что называется, в оборот. Ее заставляли переписывать из молитвенника псалтыри и акафисты, заучивать их наизусть.

А дальше было все то же. Снова Иван Ашихмин начал заглядываться на других. Хотя у Веры было уже двое ребят.

— Да что же это такое?! — возмутилась она однажды.

— А ничего! — захохотал «духовиленец». — Жена — раба мужа.

И этот брак кончился тем, что Вера ушла с детьми из дому.

Очередной жертвой духовиленца-слесаря была Маруся. Эта долго не хотела венчаться. Однако, хоть и с трудом, Иван уговорил ее. Он повел Марусю в загс, хотя брак с Надей не был еще расторгнут. К тому времени он был уже на виду. Его перевели из слесарей в начальники газогенераторной станции завода, он вступил в партию.

На людях Ашихмин появлялся не иначе, как с пачкой газет и журналов под мышкой; передовик обязан ежедневно учиться, много читать, говорил он на каждом углу.

С той поры в молитвенном доме одна жена сменяла другую. Они выдерживали два-три месяца и покидали постылую семью лицезреть.

Последней оказалась Ольга. У нее был собственный дом.

Напористый соблазнитель, с первых же дней он атаковал Ольгу, и после месячного знакомства она вышла за Ивана, разрешив ему поселиться у себя.

Нет особой нужды рассказывать, как Ашихмин разорвал хозяйственную Ольгу, подсылая к ней своего отца, который не стеснялся на ее опороте, как он уговаривал ее продать хотя бы половину дома, а на вырученные деньги заложить «роскошнейшую жизнь».

Ольга быстро раскусила липовид, п Ашихмин сбегал от нее, прихватив за прощание наиболее ценные вещи...

Однажды, незадолго до разрыва с мужем, Ольга зашла в молитвенный дом свекрови и увидела там двенадцатилетнего мальчика — первенца Ивана Ашихмина. Бабушка заставляла ребенка заучивать молитвы. Ольга узнала, что мальчику преподают «светские» уроки. В школе Володя считался одним из последних учеников, сидел по несколько лет в одном классе. Он знал много молитв, но не помнил ни одного стихотворения. Ему постоянно внушали, что он должен верить только бабушке, а не учительнице, — иначе он попадет в ад.

Увидев Володю стоящим на коленях перед иконами, Ольга пошла в школу к учительнице, все ей рассказала...

С помощью советского педагога и был распутан клубок грязных дел Ивана Ашихмина. Обнаружилось, что он обманул на своем неслитном золотом веку всемирнонаследителем!

Такова неприглядная история похождения этой «снись борода», раскрывшаяся перед рабочими, присутствовавшими из собрания, где Ашихмина исключили из партии. Она показала не только облик отпущенного, развратившегося человека, которого жизнь вела вперед, но крепко держала в своем плену пережитки прошлого; эта история показала, к чему приводит равнодушие общественных организаций большого завода к быту, к поведению одного из членов своего коллектива. Она напомнила и о том, к чему приводит пассивность в идеологической работе. Кому-то, а руководителем райкома партии, на глазах которых происходила эта история, надлежало бы усвоить бесспорную истину: если мы ослабили идеологическую воспитательную работу, активизируется другая, враждебная нам идеология.

Улан-Удэ

МОНОГРАФИЯ О ЮРИИ КРЫМОВЕ

Вниги П. Громова о Юрии Крымове интересна как исследование творческой лаборатории, в которой создавались широко известные нашему читателю повести «Танкер «Дербент» и «Иженер». Сопоставление разных редакций произведений позволило исследователю раскрыть своеобразия дарования Ю. Крымова, сделать верные наблюдения над эволюцией его творчества. В монографии дается новая и правильная, на наш взгляд, трактовка образов Мусы Басовой и помполата Бредиса, которых критика в свое время объявила отрицательными героями. Сопоставляя разные редакции повести, П. Громов прослеживает, как углублялся идейный замысел Ю. Крымова, как он шел к положительной трактовке этих образов. Судьба Мусы и Бредиса типична для людей, которые приходят к правильному пониманию вещей в борьбе мнений и серьезных жизненных испытаниях. Отрицательная трактовка этих героев в ранней редакции искажала смысл повести, ставила новатора Басова в исключительно положение героя-одиночки.

П. Громов объясняет творческие успехи и неудачи писателя, исходя из правильного понимания своеобразия природы его дарования. Характер героя у Ю. Крымова выявляется только в тех ситуациях, ситуациях, которые составляют основную сюжетную нить произведения. Прямые авторские характеристики, как правило, не удаются писателю. Пытаясь найти причину нечужды образа Касацкого, критик пишет: «Непосредственный, прямой инстинкт характера, составляющий силу таких писателей, как П. Островский, был, по-видимому, вне творческих возможностей Крымова... Там, где Крымов, чувствуя недостаточную широту созданных им характеров... пытается возместить отсутствие ее диктатами из биографии героя, аллегорически показывающими прохождение его через историю... там возникают неудачи и появляются литературные промахи».

Нельзя не заметить, однако, что понятие «широты характера» исследователю не связывает с богатством оттенков индивидуальности героя. По мнению критика, если бы Ю. Крымов показал Касацкого в области трудовых отношений, то образ его удался бы. С этим нельзя согласиться. Касацкий-штурман с его преступно-равнодушным отношением к своим обязанностям известен читателю. Зато другие стороны его характера остаются не раскрытыми. Это и делает образ недостаточно убедительным.

С недооценкой духовного своеобразия характера литературного героя связаны недостатки книги П. Громова. Особенности социального явления в их «чистом» виде почас заслоняют в исследовании индивидуальную природу образа. Наступки героя иногда комментируются критиком при помощи бесконечных диктат. Это мешает П. Громову передать непосредственное и целостное впечатление, производимое образами писателя. Вся сложность человеческих симпатий и антипатий критик нередко сводит лишь к выражению определенной классовой сути. Во взаимоотношениях Гусейна и Хрулева в повести «Танкер «Дербент» он видит только вариант взаимоотношений Басова и Касацкого. Характер Хрулева совершенно не вынесен автором. Но критика вполне удовлетворяет такая мотивировка вредительства: авария судна в корыстных целях.

Такой упрощенный подход к анализу литературных явлений связан с неправильным представлением критика о соотношении общего и единичного в художественном образе. Полемика с М. Шагинян, которая в своей рецензии красочно описывает сцену «вызова», П. Громов пишет: «Шагинян воспринимает реакцию на вызов «Атаман» в чисто психологическом плане. У нее фигурируют «толстокожие», «слепоразные», «задетые за живое». Между тем ситуация эта, очень важная для понимания последующих событий, носит не просто психологический, а скорее социальный характер».

У П. Громова нет оснований для полемик с М. Шагинян. Индивидуальные, красочные, психологические оттенки в картине вызова, отмеченные писательницей, и являются как раз выражением социального характера данной ситуации.

Пристрастие критика к социологизированию особенно вредит ему в анализе тонких психических чувств героев. Героиня повести «Иженер» Аня Мельникова выходит замуж за человека, недостойного ее любви. Потребность быть опорой другому человеку близка природе женщины с сильным характером. На этом основан союз двух людей. Но такое объяснение показало бы нашему критику наивно-психологическим. По его мнению, героиня, вопреки своему чувству к другому человеку, соединяет свою судьбу с Емчиным потому, что перед ней стоит проблема воспитания человека и ответственности за него. Если верить критике, чувство Ани Мельниковой основано на том, что как человек новой эпохи она отвечает «за Емчинова так же, как Басов был ответственен за коллектив танкера, как колонисты Маркарно отвечали за будущее куражан».

К сожалению, подобные примеры не единичны в работе. П. Громов полагает, что понятие «светер» в повести «Танкер «Дербент» имеет двойное, символическое значение. Это не только шторм на море, но и сила стихийности, анархической раздельности, которые характеризовали мораль старого общества, продолжавшую существовать в пережиточном виде в сознании отдельных людей. Критик явно приписывает Ю. Крымову чуждый природе его дарования прием символизма. Он видит символический смысл и в речи Басова, что совершенно не соответствует природе этого человека, выражающей свои мысли логически ясно, с грубоватой прямотой. Гусейн предлагает Басову отдохнуть: «Нельзя же так — вторые сутки без сна. Вы тут уже на людей бросаться начат». «А ты не обращай внимания, — смущенно засмеялся Басов. — Это все проклятый ветер!».

Человек устал, раздражен и шугулиной ссылкой на «ветер» пытается прикрыть свое состояние и вместе с тем признает свою вину перед товарищами. Но критик стремится в каждой детали видеть скрытый смысл: «Здесь особенно ясно видно, что ветер имеет у Крымова значение не столько природной силы, сколько символа сложившихся в старом обществе стихийного, анархического индивидуализма, недоверия к людям. Басов обвиняет себя в том, что он недооценил социалистическую значимость, меру нравственного роста людей».

Подлинная многообразно, богато индивидуальными оттенками природу героя не приходится выражению одной проблемы, критик объединяет образы, созданные писателем, истолковывает их односторонне.

Книга П. Громова о Ю. Крымове — плод долгого кропотливого труда. Многие в ней можно признать ценным и интересным. Но недостатки ее говорят о том вреде, который принесло нам господствовавшее долгое время определение типичного как выражения сущности социальной силы. Читая эту книгу, особенно ясно понимаешь, что серьезная разработка общих методов исследования и оценки литературных явлений — насущная нужда нашего литературоведения.

Павел Громов. «Юрий Крымов». Гослитиздат, М., 1956. 298 стр.

ДОБРОГО ПУТИ.

СТИХИ Мухрана Мачавариани

В нынешнем году на третьем Всесоюзном совещании молодых писателей, на семинаре, которым руководил Николай Тихонов, москвиче поэты впервые ознакомились со стихами своего молодого грузинского товарища Мухрана Мачавариани.

В Грузии читателя с живым интересом встретили появление этого поэта, потому что в его стихах слышался голос, не схожий с голосами других грузинских поэтов.

Благотворное воздействие Маяковского в области внутреннего звучания и формы стиха слетало у Мачавариани с богатыми традициями классической грузинской лирики. Читая Мачавариани, а ощущая также влияние некоторых мотивов творчества Уолта Уитмена...

В стихах молодого поэта чувствуется огромная, неутолимая любовь к жизни. Главная его тема — прославление жизни, ее радости, ее многообразия. Пафос творчества Мачавариани, самое ценное в его стихах — в утверждении оптимизма, в утверждении здоровья, цельных чувств советского человека. Конечно, молодой поэт не написал еще своего лучшего стихотворения, но мы уже видим его, это стихотворение, потому что оно подготовлено тем хорошим, что уже написано. Мы уверены, что такое стихотворение непременно появится. Непременно! Так в системе элементов Менделеева новый, еще не открытый элемент обусловлен уже известными, открытыми...

Носиф НОНЕШВИЛИ

Взыскательный мастер

Новые стихи Н. Заболоцкого подтверждают, что это один из наиболее своеобразных и тонких советских лириков. Для Заболоцкого характерно глубоко эмоциональное восприятие мира, хороший вкус и чувство языка, умение увидеть красоту в повседневном, стремление философски осмыслить жизнь; стихи переполнены «счастьем бытия», привлекают яркостью образов.

Лучше, на мой взгляд, из новых стихотворений Н. Заболоцкого «Некрасивая девочка». Поэт не упрощает конфликта, не скрывает, что наступит день, когда его героиня «увидит с ужасом, что посреди подруг она всего лишь бедная дурнушка!». Высокой и подлинной человечностью проникнуты строки поэта:

Мне верить хочется,
что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!

Поэт не спешит уверить нас в том, что ум, душевная сила и прочие добродетели — тоже красота, и посему даже некрасивая девочка — красива. Н. Заболоцкий любит человека умной и честной любовью и поэтому говорит правду о большой несправедливости: люди обожествляют красоту даже тогда, когда «сосуд уда, в котором пусто», и не всегда замечают «огонь, мерцающий в сосуде». Заболоцкий сочетает классическую строгость стиха, столь соответствующую заключенному в нем «вечному вопросу»: «какая красота?» — с реалистической конкретностью деталей, особенно характерной для лирики XX века. И этот «сплав» придает стиху особую прочность и достоверность. Поэт тонко преображает традиционные образы. Обычно говорят: камень за паузу держит, на сердце — камень, сердце — не камень. Заболоцкий же написал: «И перестоял самый тяжкий камень»: стих вместил в себя сразу три смысловых значения: камень — обиды, камень — злоба, сердце — не камень, что очень усилило образ.

Н. Заболоцкий владеет искусством поэтического символа. В этом плане характерно стихотворение «Журавли».

Н. Заболоцкий. Стихи. «Литературная Москва», Литературно-художественный сборник «Миссионских писателей», Гослитиздат, Москва, 1956.

Сейчас

Когда деревья огромные листвою своей шелестят,
Когда глаза твои темные, лаская меня, блещат,
Когда луна подымается, синим огнем горя, —
Когда волнение чувствую, по совести говоря,
Что руки хочу, как солнца лучи,
Поднять к высоте небесной,
И небо и землю, где я живу,
хочу я прославить песней

И крикнуть людям: — Смотрите! Прислушайтесь, не дыша:
Как шир величав и светел! Как жизнь вокруг хороша!..

Бегут Алазань, Аравга, кипит подо мной Кура,
Уже рассвело... И радость все залила с утра,
Слышится гул заводов, тянется дым из труб,
Ветви свои расправил ширококопчатый дуб;
Журачат родники под ивой, поет, заливаясь, дрозд,
И дышит под ветром ивы, где встали колосья в рост.
Светлой улылке Ленниа юность спешит вперед,
В небе над Алазанью — коростелей полет,
В море вода проснулася, выгуляла варту волной,
Жаворонок, ликуя, славит простор земной...
День встает, торжественно, дали сквозят — светлы,
К пристилам лет подвозят — по склону скользят стволы...
Такой необъятной безудержной силой
Мне день наполняет грудь,
Что, кажется, собственную могилу
Я мог бы перешагнуть,
И руки раскинуть, подобно каналам,
К далеким просторам спеша...
И вот кричу я старым и малым:
— Смотрите! Жизнь хороша!

Перевела Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Беззвучный зов

Я вижу, будто в зыбком мареве,
легко взвоявша по горам,
пасет теленка.
«Мухран!» — мальчик маленький.
«Мухран!» — кричу ему, —
«Мухран!»

Идет,
не замечает оклика,
и жгут ступни по плечу.
Но я из времени далекого
«Мухран!» — олять ему кричу.
И танет дальним,
танет утренним
настойчиво и глубоко,
и вот бежит он к зову шумному.
Бежит легко
и нелегко.
Смеется он улыбой дерзкою,
и пот на лбу его растер.
Но вот шаг взрослеет детские,
и тело тонкое растет.
Он сквозь кустарник пробрается,
плывет в речной воде рабой,
и еле слышно пробрается
пушок над верхнею губой.
Бежит он...
Снег на землю валится.

Бежит он...
Дождь на землю лет...
Поет,
влюбляется,
печатлится.
Вот курит он уже,
вот пьет.
Замедлил шаг.
Рукою машет мне.
Сейчас войдет...
На дверь гляжу...
И вот уже не стало мальчика...
Один я в комнате сижу.
Перевел Евгений ЕВТУШЕНКО

Тишина без тебя

Я один-одинешенек...
Тайные холоды
пронизали всю душу
до самого дна.
Весь — журчанья и шелесты,
плачи и хохоты,
если нету тебя,
это все — тишина.

Я несильно дышу,
как земля полудночная,
вижу, девушки с парнями ходят,
беззвучно поют.
Звукнет нет...
У тебя в одной полномочия
сделать снова звучащими
листья,
гитары
и пруд.

Видишь,
птицы в обиде,
в отчаянии музыки,
оттого, что не слышу их...
Милая,
к сердцу прильни.
Пропрси же прощения
за то, что измучила.
О, пруди,
о, верни мне звучание мира,
верни!

Перевел Евгений ЕВТУШЕНКО

НОВЫЕ КНИГИ

О Ленине. Воспоминания, рассказы очерки. Гослитиздат 447 стр. Цена 7 руб. 80 коп.
Большое сердце. Сборник военных рассказов и очерков. Свердловское книжное издательство. 247 стр. Цена 5 руб. 50 коп.
Вулкан О. Повесть о лодке Воронежского книжного издательства 198 стр. Цена 3 руб. 25 коп.
Бунин И. Собрание сочинений в 5-ти томах. Издательство «Прибой» (Библиотечка «Современник»). Т. I. 455 стр. Цена 9 руб.; Т. II. 424 стр. Цена 9 руб.
Головановский С. Избранное. Перевод с украинского. Гослитиздат 311 стр. Цена 8 руб. 25 коп.
Засодимский П. Хроника села Смуриня. Роман. Вологда. Областная книжная редакция 255 стр. Цена 6 руб.
Кольцов М. Фельетоны. Издательство «Правда» (Библиотечка «Крокодил») 64 стр. Цена 70 коп.
Монастырев В. Рассказы о пластанках. Краснодарское книжное издательство. 128 стр. Цена 3 руб. 50 коп.
Татищев Ш. Последний орнамент (Рассказы и повести) Перевод с армянского Г. Баргалина. Ереван. Албепрат. 211 стр. Цена 3 руб. 50 коп.
Маврин Г. Ронюхой квартал (Из записок артиллериста «Молодая гвардия»). 110 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Обсуждение эпоса „Алпамыш“

В конференц-зале Академии наук Узбекистана сегодня открывается совещание по обсуждению эпоса «Алпамыш», организованное Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, Институтом востоковедения Академии наук СССР, Институтом языка и литературы Академии наук Узбекской ССР. На совещании будут обсуждаться проблемы происхождения, народности, поэтического своеобразия эпоса «Алпамыш», его национальные версии. Совещание продлится пять дней.

А. МАРЧЕНКО

Идеи и догмы

Нет ничего удивительного в том, что вскоре после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза во многих странах среди литераторов развернулись споры о социалистическом реализме. Решения съезда послужили мощным толчком для развития общественной мысли, заставили глубоко осмыслить сделанное, трезво оценить успехи и недостатки во всех областях нашей жизни. Настоятельно необходимым оказался и разговор о литературе, ее состоянии, задачах, идейно-творческих основах. Участники этого разговора — писатели Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран — оперируют не только фактами отечественной культуры, они постоянно обращаются к общетеоретическим проблемам и к опыту советской литературы, и это не может не привлечь внимание советских писателей, не вызвать желания по-товарищески включиться в полемику.

В дискуссионных статьях находилось немало свежих мыслей, справедливых критических замечаний, конструктивных предложений. Уже сейчас видно, что завязавшаяся полемика резко обнажила существующие точки зрения и нацеливает на совместное решение назревших вопросов. В ее ходе выявились и неверные, ошибочные тенденции, вызвавшие серьезные возражения со стороны писательской общественности. Так, например, острой критике подвергся доклад польского литератора Яна Котта на XIX сессии Совета культуры и искусства — «Мифология и правда». Ян Котт говорит не о том или ином понимании социалистического реализма, а предлагает считать его в архив, как... порождение культуры личности. Он считает неслепым признаком «метода социалистического реализма, как опирающегося на марксистскую эстетику, за самый совершенный художественный метод» и старается доказать, что его утверждение в советской литературе обусловлено полнейшей «застой» в ее развитии начиная с 30-х годов.

В таких заявлениях можно было бы и не возвращаться, будь они уже пробранным этапом дискуссии. Но уже в сентябре с. г. Ян Котт опубликовал статью «Размышления к началу учебного года», свидетельствующую о неискренности его общетеоретических позиций. В статье польского поэта Юлиана Пшибоса «Поэзия и революция» последние десятилетия также расцениваются как «время художественной отсталости». Автор идеи государственного

многочасного заката советского искусства Антони Слонимский считает Первый съезд советских писателей, когда, дескать, «основываясь на легкомысленных (!!) высказываниях Горького и используя его авторитет писателя, создал Жданов тезисы социалистического реализма...».

Здесь уже не только идеалистическая точка зрения на процессы общественной жизни, но и неверный взгляд на фактический ход художественного развития. Пусть безтактность автора приведенного высказывания остается на его совести, но оно звучит прямо анекдотически: произнесенная речь объявляется первоисточником целого художественного направления, да еще завоевавшего себе множество приверженцев во всем мире. Даже нелепо доказывать очевидную истину: социалистический реализм не родился, не мог родиться по мановению руки одного человека. Он складывался и формировался в условиях новой исторической эпохи, постепенно развиваясь и обогащаясь, да и сейчас не останавливается в своем развитии. Социалистический реализм рожден борьбой народа за социалистическую революцию, он отражает новую действительность, новый характер человеческих отношений, мысли, чувства, привычки. Колоссальный переворот, пережитый значительной частью человечества в материальной и духовной областях, не мог не вызвать и новый шаг в художественном развитии человечества по пути реалистического отображения мира. К тому же метод социалистического реализма возник и развивается не в одной, а во многих странах, и это значит, что он вызван в жизни сходными жизненными и литературными процессами.

Творческие принципы, с которыми принято связывать социалистический реализм, тоже не arbitrarily сформулированы кем-то, они — обобщение творческой практики художников, следующие этому методу. Его определение родилось не вдруг, но по нашему мнению. В течение долгого времени советские писатели обсуждали своеобразие развивавшейся на их глазах и при их участии литературы, старались наиболее точно его обозначить. Перечитайте высказывания стоявших у истоков советской литературы Серафимовича и Фурманова. — сколько встретится в них замечаний о необходимости появления жанров и героев. Обратитесь к первым теоретическим работам Фадеева — каким трудом и со сколькими ошибками, противоречиями, развития. Это и есть главный критерий для определения произведений, которые можно считать достижениями социалистического реализма. Доста-

точно назвать книги, законо считающиеся вехами развития советской литературы (а их список отнюдь не сводится к небольшому «обойме» дежурных произведений). В их числе не найти назуманных, лакированных вещей, это романы, пьесы, поэмы, художественно раскрывающие трудное и мучительное рождение нового мира: «Железный поток», «Тихий Дон», «Разгром», «Неделя», «Партизанские повести», стихи Маяковского, «Дума про Опанаса», «Города и горы», «Виринея», «Разлом»... Это книги 30-х годов — того периода, который ныне считают «застоем»; книги такие, как «Политая целина», где кипит жестокая борьба и описывается избиение колхозников коммунистами; «Бруски», где без всяких прикрас рассказывается о тяжести крестьянской жизни, об ошибках руководителей, о голоде в Подмосовье; повести и романы Гладкова, Зренбург, Н. Островского, Ильина, Леонова, Шагиняна, Яленского, Шухова, Ставского, Катаева, Пермитина, Крымова, где будни строительства предстают не только в героических подвигах, но и в испытаниях, нужде, лишениях.

Разумеется, выходили и другие книги, в последние годы особенно часто, — книги иллюстрированные, призывные, фальшивые. Нельзя только забывать, что они появляются в любые периоды литературного развития. Культ личности усилил поток серых, безликих произведений, он сказался на общем уровне искусства. И все же даже сделанное выше перечисление ценностей доказывает, что не конъюнктурные поделки определяли путь социалистического реализма. Между тем, опираясь только на них, игнорируя магистральную линию развития советской литературы, Ян Котт старается доказать, что с момента «канонизации» социалистического реализма в Советском Союзе литература только и делала, что «вырождалась в большое искусство восхваления, в большое искусство буффоналы, в большое искусство постоянной декорации».

Безоказательное и не соответствующее истине обвинение, решительно опровергаемое оппонентами Котта, в том числе чехословацким критиком В. Досталом, автором умной и яркой статьи «В защиту социалистического реализма». Это обвинение противоречит реальным фактам. О периоде 30-х годов мы только что сказали. Еще менее правомерны суждения Яна Котта применительно к периоду Великой Отечественной войны, ознаменованному такими полными драматизма, героики, высокой трагичности произведениями, как «Народ бессмертен», «Нашествие», «Зоя», «Сын», «Русские люди», «Молодая гвардия», «По-

весть о настоящем человеке». Творческие последствия культа личности сильнее всего отразились на послевоенном периоде истории советской литературы. Никто не отрицает трудностей, испытанных в это время нашим искусством, и о них советские писатели говорят резко и прямо, но связывают их не с методом социалистического реализма, враждебным всякой лакировке, а с чудными воздействиями, халтурой, перестраховкой. Пока нет оснований удовлетворяться статистикой сегодня, — литература еще не преодолела своего отставания. Но несправедливо забывать и о все более крепнущих и уже зашнурованных плодах тенденций смелого обращения к самым живучим проблемам современности, острого обвинения отрицательных явлений. Рядом с принадлежащими перу мастеров «Русским лесом» Дюлова или главами из поэмы «За далью — даль» Твардовского назовем повесть очерки, рассказы Овечкина, Николаевой, Тендрюкова, Ивановой, Некрасова, Антонова, Гранина, Калыкевича. Все это очень разные произведения очень разных авторов (что еще опровергает домыслы о враждебности социалистического реализма творческому многообразию!) но они отмечены зорким вниманием к жизни во всех ее проявлениях, неприятием лакировочных схем. Вместе с тем — и это так глубокий смысл — здесь неизменно присутствует внутренняя убежденность в силе и прогрессивности отстаиваемых авторами идеалов.

Социалистический реализм несомненно ни с бездумной лакировкой, ни с односторонним очернением действительности. На его знамени написано утверждение нового, передового. Но что означает этот призыв, не ведет ли он к оправданию беспочвенности? Этот вопрос сознательно зашнуровывают противники социалистического реализма, отожествляющие пафос утверждения жизни с лакировкой. Не всегда видят принципиальное различие между этими двумя подходами к задачам искусства и художника, вдумчиво изучающего опыт нашего искусства. Свои сомнения прямо и открыто высказал крупный итальянский писатель Альберто Моравиа. Во время беседы со студентами Ташкентского педагогического института отвечая на вопрос о своем отношении к социалистическому реализму, он высказал опасение, что метод социалистического реализма отличается стремлением к приукрашиванию действительности.

(Окончание на 4-й стр.)

Мнение итальянской общественности

Пожалуй, никогда еще внешнеполитика итальянского правительства не обсуждалась так оживленно и не подвергалась такой критике, как в связи с «суэцким кризисом».

Альберто ЯКОВИЕЛЛО, итальянский журналист

После национализации Суэцкого канала, когда Франция и Англия стали угрожать Египту применением силы, итальянское общественное мнение ожидало от правительства решительного и благородного шага: открытого осуждения военных угроз и приговоров. Этого требовали не только коммунисты, но и выдающиеся представители различных политических течений.

Все были глубоко разочарованы, когда стало ясно, что министр иностранных дел Мартини ограничился поддержкой «плана Даллеса», вызвавшего всеобщее осуждение. С критикой этого шага итальянского правительства выступили не только коммунисты, но, хотя и не так единодушно, и социалисты, и республиканцы, и некоторые группы христианских демократов.

В то время как в Каире так называемый «комитет пяти» вел переговоры, а правительства Франции и Англии продолжали концентрировать в Средиземном море свои вооруженные силы, в Италии раздался все более решительный голос против бездействия итальянского правительства. Руководство Коммунистической партии собралось на специальное совещание и опубликовало коммунистическое заявление: «Итальянский народ не имеет интересов, которые противостояли бы интересам египетского народа и других народов Африки и Азии, завоевавших свою независимость или борющихся за нее».

Потому долг правительства — не только удерживать Италию вне какого бы то ни было конфликта, но открыто занять позицию против любых агрессивных намерений и действий со стороны англо-французских империалистов, а в нынешний момент — активно включиться в дело мирного разрешения суэцкого конфликта, которое привлекло бы интерес пользующихся каналом стран при сохранении независимости и суверенитета египетского народа.

Долг коммунистов состоит в том, чтобы указать народу на серьезную опасность момента с тем, чтобы было оказано необходимое давление на правительство».

15 сентября парламентская группа коммунистов внесла предложение о досрочном созыве палаты депутатов и сената для рассмотрения суэцкого вопроса. В резолюции, внесенной группой депутатов коммунистов, содержится призыв к итальянскому правительству не присоединяться к ассоциации пользователей Суэцкого канала и предпринять необходимые шаги для передачи всей проблемы в ООН, а также «заявить, что Италия осуждает любые акты,

имевшие целью силой навязать решение этого вопроса, односторонне выдвинутое группой держав».

Требование о немедленном проведении в парламенте дискуссии по вопросу о Суэце выдвинул также член президиума итальянского комитета движения сторонников мира Саверио Бриганте. Он направил председателю всех парламентских групп палаты депутатов и сената письмо, в котором, в частности, говорится: «Огневная дискуссия в парламенте с участием всех групп кажется нам сейчас необходимой для того, чтобы пояснить общественному мнению Италии и всего мира позицию нашей страны».

Участники многочисленных митингов и собраний в провинциях Болонья, Модена, Равенна и Феррара настаивают на том, чтобы итальянское правительство содействовало урегулированию суэцкого вопроса путем переговоров.

Правительство, пытаясь защитить свою позицию, утверждало в официальных сообщениях, что итальянская дипломатическая миссия в Каире выступала за мирное разрешение суэцкой проблемы, и цитировало коммюнике, в котором указывалось, что Италия заинтересована «в мирном разрешении этого вопроса путем переговоров». Это, конечно, вызвало положительный отклик, но все же оказалось недостаточным, чтобы успокоить общественное мнение.

Однако одна из статей министра иностранных дел, посвященная «суэцкому кризису», помогла оценить характер внешней политики Италии. В этой статье утверждалось, что присоединение Италии к «плану Даллеса» было бы неправильным. Стало известно также, что Италия согласилась на участие в создании по инициативе США, Англии и Франции отдельного совещания группы стран для обсуждения проекта создания «ассоциации пользователей Суэцким каналом».

Двойственность итальянской внешней политики очевидна: экономические и политические интересы страны в Средиземноморском бассейне требуют развития дружественных отношений с арабскими государствами. Но так как Италия — член НАТО, правящие круги склонны поддерживать колониальные действия Англии и Франции на Ближнем Востоке.

Во имя чего все это? Во имя призрачной «атлантической солидарности», которая, если вообще когда-либо существовала, уже давно похоронена.

Не выдерживают критики утверждения некоторых органов печати, будто египетское правительство должно было «проявить больше выдержки» и повременить с национализацией. «Тем, кто утверждает, что Египет должен был подождать несколько дней с национализацией канала... диссиде несколько дней то назва «Умита», — мы советуем подсчитать, сколько денег ввернул бывшая «Компания Суэцкого канала» в Египет».

О подлинных настроениях итальянской общественности свидетельствует следующее: когда пришло сообщение о том, что один итальянский лоцман, находившийся в районе Суэцкого канала, разорвал контракт со своими судовладельцами и поступил на службу в египетскую администрацию канала, это вызвало широкое одобрение. Итальянцы расценили поступок лоцмана как проявление солидарности с народом, борющимся за свою полную независимость.

РИМ, 19 сентября. (По телеграфу)

Корабли свободно идут через Суэцкий канал

В конце прошлой недели иностранные лоцманы, по требованию из Лондона и Парижа, оставили работу на Суэцком канале. Однако массовый уход иностранных лоцманов не парализовал судоходство, как на то надежлись англо-французские круги. Корабли по-прежнему свободно и беспрепятственно идут через Суэцкий канал с севера на юг и с юга на север! Египетская администрация продемонстрировала всему миру, что, несмотря на искусственно созданные трудности, она способна управлять каналом. Этот факт вынуждена признать, к великому разочарованию и огорчению западных организаторов саботажа, даже их собственная пресса. Мы приводим сообщения зарубежной печати, рисующие обстановку на канале в эти дни.

«За два дня, прошедшие после ухода иностранных лоцманов и служащих, египетской администрации Суэцкого канала удалось пропустить 78 судов. Ожидавшегося скопления судов на обоих концах канала — в Суэце и Порт-Саиде — пока не наблюдается», — свидетельствует карьерский корреспондент английской буржуазной газеты «Файнэншл таймс».

Французское агентство Франс Пресс передает: капитан корабля «Флайинг игл» — «первого американского судна, которое провело через канал египетский лоцман после ухода с работы иностранных лоцманов, передал по радио поздравительную радиogramму египетской администрации Суэцкого канала».

Один из старейших лоцманов Египта Эль-Диб заявил карьерному корреспонденту английской газеты «Ньюс кроникл»: «Все думали, что мы не сможем провести суда. Мы с этим справились, не правда ли? Вы же можете этого отрицать. Я старый человек, но я не думаю, что о том, причиняет ли мне ущерб продолжительная работа. Судя издучь через канал. Я позабочусь об этом».

После того как мы справились с эти два дня, я думаю, что мы справимся, что бы ни произошло. Можете не сомневаться в том, что мы приложим все силы».

Тридцать пять кораблей под флагами различных стран прошли, по словам агента Рейтер, через Суэцкий канал 17 сентября. Среди них было «8 — английских, 6 — французских, 6 — норвежских, 4 — панамских, 3 — немецких, 2 — итальянских и по одному датскому, турецкому, либерийскому, русскому, югославскому и голландскому судну».

«Один из агентов пароходной компании Ллойд в Порт-Саиде», — сообщало английское агентство Рейтер 17 сентября, — «сказал, что сейчас, по-видимому, египтяне «работают точно по графику и организуют караваны судов почти тотчас же по получении заявления для того, чтобы не скапливались суда и чтобы избежать длительных задержек».

Корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс в Порт-Саиде передал 17 сентября:

«15 советских капитанов торгового флота начали сегодня подготовку на море к трудному делу вождения судов по Суэцкому каналу... Русские находятся здесь в центре внимания... Карьерские газеты полны сообщениями о действиях советских лоцманов. Русские и югославы поставлены на работу в Порт-Саиде, ибо, по утверждению египетских властей, это самая сложная часть работы на канале. В этом месте канал очень узок, и по обеим сторонам его всегда стоит много судов в ожидании формирования каравана».

Агентство Рейтер приводит заявление, которое сделал председатель правления администрации Суэцкого канала Хильми Бахат Бавайн:

«Несмотря на отъезд иностранных служащих, мы доказали, что можем руководить работой компании. Те, кто претендует на роль руководителей западной общественности, заявляют, что чувство ответственности, умение справиться с непредвиденным положением и организационные способности являются качествами, присущими только западной политике. Они ошибаются. Теперь мы дали убедительные доказательства того, что мы не менее способны, чем люди Запада. И мы показали, что можем спокойно справиться с чрезвычайным положением».

КСТАТИ О КАНАЛАХ

Перелистывая старые журналы, я обнаружил во «Всемирной панораме» в № 178 (37) от 14 сентября 1912 года две выразительные карикатуры, посвященные открытию Панамского канала.

Много времени прошло с тех пор, но нравы империалистов, как мы это видим теперь на примере Суэцкого канала, остались теми же и намерения такими же...

Во эти карикатуры, помещенные журналом «Всемирная панорама» под заголовком «Открытие Панамского канала».

Согласитесь, что рисунки эти сохранили актуальность до наших дней.

ЛЕНИНГРАД

К открытию Панамского канала.

Во вконец времена последует открытие Панамского канала, и американцы попытаются захватить контроль над каналом в свои руки. Европейская карикатура наглядно изображает значение этого контроля. На одном рисунке американец закрывает канал шлюпой, на которой надпись «доктрина Монро», гласящая: «Америка для американцев». Второй рисунок пояснений не требует.

ПО СТРАНИЦАМ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ

На первой полосе «Нью-Йорк таймс» четким шрифтом красуется девиз этой газеты: «All the News that's fit to print».

Иными словами, подписчикам обещают держать в курсе репутацию всех событий, достойных печатного прессы. И действительно, на полсоте полос, содержащихся в обычном номере газеты, перед читателем вываливается, точно из мешка, целый ворох всевозможных «news».

Однако напрасно стал бы он отыскивать на страницах такой солидной газеты сообщения ее корреспондентов из Китая. И не потому, что редакция считает такие сообщения не заслуживающими воспроизведения в печати, а по той простой причине, что «Нью-Йорк таймс» не имеет в Китае ни одного корреспондента. И не только «Нью-Йорк таймс»: ни одна американская газета, столичная или провинциальная, влиятельная или мелкая, уже семь лет не имеет их в Китайской Народной Республике. За «общения из Китая» в американской печати сходят злобные измышления формозских бюрократов.

И вот недавно среди новостей и новостиков любознательный американский читатель прочел радостно взволновавшее его сообщение: правительство КНР пригласило 18 корреспондентов крупных американских газет, информационных агентств и радиостанций посетить Китай и своими собственными глазами увидеть, как живет страна, производящая, по утверждению шестидесяти миллионов китайский народ. Редакции газет, агентств, радиостанций с готовностью приняли приглашение. «Наша газета», — писала «Нью-Йорк таймс», — была рада, что она представлена в России... Начались приготовления, сборы. В КНР было решено направить «аэробус» печати монополий, которые сумели бы «противостоять пропаганде красных» и разоблачить, что к чему. «Нью-Йорк таймс» решила послать Сульцбергера, «Нью-Йорк геральд трибюн» — А. Т. Стюла, агентство Интернейшнл Ньюс сервис — Рандольфа Херста... Но радостное ожидание скоро иссякло. В газетах появилось сообщение, от которого печатный пресс должно было бросить не в черную, а в красную краску: ведомство Даллеса запретило американским корреспондентам поездку в Китай. И не просто запретило, а пригрозило чечением сроком до 5 лет и штрафом в 12 тысяч долларов. Распоряжение Даллеса вскоре получило одобрение президента Эйзенхауэра.

К вопросу о «железном занавесе»

Несколько журналистов выразило согласие поехать в КНР безграничных паспортов, но тогда вмешалось начальство, напуганное угрозами властей, и корреспондентам пришлось отказаться от поездки.

Американские читатели по-прежнему должны довольствоваться той отвратительной жвачкой, которую преподносит им «специальность по Китаю», не имеющие иных источников информации, кроме собственного грязного пальца, и вдохновляемые «музой» клеветы. Государственный департамент явно решил усовершенствовать знаменитую формулу тевтонского героя: «Сначала узнайте факты, а потом можете исказить их сколько вашей душе угодно». Руководители этого ведомства, как видно, находят, что исказить действительность куда удобнее, не зная фактов. Тем более, что факты обладают многими неудобными свойствами и, в частности, общезвестным упрямством, которое нередко затрудняет их искажение...

Опубликование фактов о народном Китае лишний раз опровергает неспособность политики «непризнания» величайшей державы мира, политику, которую с таким недостаточным упорством проводит государственный департамент. А расписывая в ошибочности своей внешней политики накануне самых выборов — что может быть страшнее для Вашингтона? Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер прямо пишет, что, по мнению многих наблюдателей, «такое решение вряд ли было бы принято, если бы приглашение Пекина было получено после наших общенациональных выборов, а не перед выборами... Вашингтон, если бы он одобрил эту поездку, был бы поставлен в затруднительное положение в отношении значительных и крикливых кругов нашей общественности».

Что же это за «значительные и крикливые круги», в угоду которым американский народ лишается записанного в конституции права знать правду о том, что происходит в мире? Это те самые круги, которые десять лет назад втянули США в беззастенчивую интервенцию на стороне Чан Кай-ши, обещавшую американским налогоплательщикам в шесть миллиардов долларов, которые после победы народной революции не отчислялись от помеслов о реставрации феодальных порядков и колониального фронта в Китае; которые, вопреки международной справедливости, национальным интересам своей родины и элементарному здравому смыслу, препятствуют признанию законного китайского правительства и восстановлению прав КНР в ООН. Нельзя не признать, что у журналистов

нала «Нейшн» было немало оснований заявить: «Решающая причина, заставившая Даллеса проявить такое упрямство, возможно, заключается в опасении, что проектируемая поездка могла бы расстроить Чан Кай-ши. Чан Кай-ши может доставить много неприятностей в год выборов, тем более, что он прекрасно знает, что истекает срок его выгодного формозского предпринятия».

Но, кроме чанкайшистского «любви», существуют широкие круги американской общественности, с которыми тоже приходится считаться, хотя бы в предвидении тех же выборов. И вот сочиняются «благородные» оправдания пришибевской выходец государственного департамента. В КНР-де американские корреспонденты подвергались бы «риску», и правительство не смогло бы их защитить, поскольку США не признают народный Китай. Но попытка застрашить американцев «красными китайскими бумагами» не имела успеха...

Среди излюбленных тем штатных американских красноречивцев, подвигающихся с церковных и университетских кафедр, с трибуны международных конференций, тема «свободы печати» в Америке занимает едва ли не первое место. Государственный департамент оказал плохую услугу пропагандистам американского образа жизни и заодно расписался в лицемерии своих собственных призывов к «свободному обмену информацией» («Сейчас», — пишет газета «Наша таймс» (The Wisconsin), — мы выступаем перед всем миром как государство, которое предоставляет свою свободу свободному обмену информацией, отказывает журналистам в разрешении поехать и осуществить это на деле. Мы показываем миру, что у нас есть свой собственный «железный занавес»...)

Протесты против решения государственного департамента заявили газеты всех направлений, многие политические деятели и общественные организации. В статье «Право знать» газета «Нью-Йорк геральд трибюн» заявляет: «Ущерб, который уже причинен, велик: его можно устранить только в том случае, если правительство быстро и полностью признает ошибку и ликвидирует препятствия, чинимые для работы американской печати».

Но независимо от того, прислушаются ли руководители американской внешней политики к этим здравым советам или нет, «железный занавес», спущенный ведомством Даллеса, не может надолго скрыть от американского народа правду о новом Китае.

М. М.

Идеи и догмы

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Это говорит наш друг, активный общественный деятель, большой художник, говорит искренне и честно, и его слова подтверждают, насколько еще распространены ложные представления о характере социалистического реализма и как мало мы сделали, чтобы объяснить, в чем заключается утверждающая направленность нашей литературы и как она враждебна приукрашиванию жизни. В самом деле, те же книги Овечкина, Тендрякова, Гранина и другие кому-то могут нравиться больше, кому-то меньше, но одно несомненно: немногие они оставляют равнодушными, потому что здесь даны не слащавые идиллии, а суровая правда жизни, с борьбой, трудностями, поисками, радостью побед, горечью поражений. В них рядом с передовыми людьми выведены их противники, и борьба между ними оказывается главной пружиной сюжетного движения. Да и сами герои — реальные люди, живо чувствующие, непосредственно реагирующие на происходящее, вынужденные бороться не только с внешними обстоятельствами, но и с собственными недостатками и несовершенствами. В чем, в чем, а в недостатке критики этим книгам отказывать нельзя. Другое дело, что это не критика ради критики, не равнодушная констатация бед и неполадок. Писатель социалистического реализма не только называет пороки, но и поднимает на борьбу с ними, вооружает перспективой в борьбе, открывает еще не открытые пласты жизни, подкашивает людям репеллы, зовет их к раздумью, к активному созданию, к творчеству. Это сознательная позиция писателя-гуманиста, следующего принципам социалистического реализма, который равно силен и пафосом утверждения нового и пафосом отрицания старого.

Такова действительная идея социалистического реализма, ратующего за изображение всех сторон жизни, раскрытие всех ее аспектов и противоречий. Она бесконечно далека от бездумного любования действительностью, которое можно отождествлять с утверждающим пафосом нашего искусства только при подмене истинных принципов художественного метода приписываемыми ему догмами. Не из подлинных фактов советской литературы, а из тех же наудачных схем почерпнуто и представляется о том, будто бы требование актуальности в социалистическом реализме сводится просто к немедленному отклику на отдельные события дня, в удовлетворению конъюнктурных запросов в то время, когда это требование означает стремление выразить наиболее характерные черты современности, самый ее дух, во весь рост раскрывая образы современников. Без насытия над фактами никогда не доказать и тезисов Яна Котта насчет якобы происшедшей поляризации на двух противоположных полюсах революционности и художественного новаторства, насчет того, что в 30-е годы марксистская мысль «открепилась от новых вопросов и новой проблематики». Советское искусство, будучи внутренне связано с классической литературой, с первых своих шагов заявило о себе как о боевом, новаторском искусстве. 30-е годы показательны, как эпоха, когда в литературе по-новому зазвучала тема социалистического труда, пролетарской самой жизнью, появились образы строителей и творцов, пришедших с лесов пятилеток, и когда все это потребовало новых средств изображения. Столь же наудачно и другие «основы», приписываемые иногда методу социалистического реализма: абстрактной типизации, пропорционального изображения светлых и темных сторон жизни, сверхидеального героя и т. д.

Касаюсь различных особенностей социалистического реализма, наши оппоненты предпочитают не останавливаться специально на проблеме партийности литературы. Вряд ли это случайность, ибо уже из отдельных высказываний явствует, что партийность для них, в сущности, синоним догматизма. Отжествление марксистской эстетики со своим догматизмом придает в советской литературе одну иллюстрацию тех или иных директив, повторение конъюнктурных требований, и отсюда делают вывод о несовместности художественности с партийностью. Юлиан Шпибель не постеснялся сравнить социалистический реализм с палкой, «созданной для нужд чиновников бюро пропаганды, для прислужников и панегиристов». Он последил присоединиться к выводу Генрика Маркевича о том, что статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» будто бы явилась не идейной программой нового, свободного от целей рабства и торгашеского духа, высококачественного искусства, но лишь «имела тактическое значение на данном этапе революции».

С такой позицией в той или иной мере полемизируют авторы самых разных по уровню, да и не во всем безошибочных статей: и чехословацкий критик В. Достал, и польские литераторы Стефан Жуковский, Богуслав Кугут. С их стороны раздался высказывания о том, как важен прочный союз политики и литературы, о том, как по выражению Жуковского, «неразумно и вредно для будущего развития культуры отрицание необходимости идейного руководства в этой области». Вместе с тем авторы видят вред, нанесенный искусству вульгаризаторскими искажениями принципов партийности, попытками судить о прогрессивности художественных произведений только по тому, насколько громко звучат в них политические высказывания автора. Наблюдение, из которого следует бесспорный вывод: вульгаризация и приимитивизация, являясь бесплодным порождением догматизма, чужды самому духу социалистического реализма и способные только дискредитировать идею партийности. Партия требует давать отпор любым попыткам возродить этот догматизм, инвентаризацию художественных дарований, приемы администрирования в литературном деле. О вреде механического равнения репутации Ленин в той самой статье, которую кое-кто считает лишь тактическим шагом. Та же мысль выражена в ряде постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам, в ряде партийных документов, вплоть до последнего обращения Центрального Комитета к съезду советских писателей. Нет сомнений, что Ян Котт, Юлиан Шпибель и другие знают об этих документах. Но почему же тогда в своем подходе к идеям партийности и партийного руководства литературой они исходят не из программных установок партии, а из тех искажений и ошибок, которые были направлены на подрыв этих установок и которые осуждены самой партией?!

Осуждая нигилистическое отношение к принципу партийности литературы, нельзя ни на минуту ослаблять борьбы с упрощенными, вульгаризаторскими его трактовками, так как они оказываются предлогом и питательной почвой для нигилизма в идейных вопросах. Без очищения от всего явного невозможно двигать вперед теорию социалистического реализма.

Теперь не встретится работ, где принцип партийности отождествляется с партийной принадлежностью писателя, в партийности литераторов справедливо видят высшее выражение интересов народа. Но еще приходится читать статьи и

книжки, отмеченные небрежением в специфике художественного труда. В представлении их авторов литературное произведение выглядит беллетризованной иллюстрацией социальных или экономических проблем, а то и непосредственным откликом на определенные речи, статьи, указания. Стихи Маяковского оказываются вариформованными тезисами сталинских выступлений, образы «Поднятой целины» — писательской реакцией на речь «О работе в деревне» (произнесенную на следующий год после опубликования первой книги романа!). В роли иллюстратора философских и экономических категорий некоторые теоретики порой представляют и Горького. Откроем книгу В. Прокогина «Эстетика труда в творчестве М. Горького». Общая оценка великого художника дается с ней с завидной лихостью: «Материалистическая, марксистская формула — «бытие определяет сознание» — лежит в основе всего творчества Горького». Столь же категоричен автор при «анализе» отдельных произведений; так, в сказке «Товарищ», по его мнению, содержится не много ни мало, как «марксистская мысль о прогрессивной роли общественного, кооперированного труда на капиталистическом предприятии», поскольку именно такой труд способствует классовому сплочению трудящихся... Не правлинее ли было бы подчеркнуть другое: в сознании художника на основе жизненных наблюдений и под воздействием определенных идей кристаллизуются художественные образы и властно просятся на страницы произведения, становясь живыми выразителями обуревавших автора мыслей.

Это далеко не второстепенный вопрос. Социалистическая эстетика против гоголь декларирования и напыщенной декламации. В значительных произведениях искусства идея и образ не лежат на разных полюсах, здесь гармонически слиты ум и сердце, высокая публицистичность и тонкая художественность; идейность пронизывает всю образную систему книги, ее художественную ткань. Думается, для всех родов литературного оружия приемлемы слова, сказанные в беседе с корреспондентами одним из самых глубоких критиков искусства — М. И. Калинин.

«Нельзя сказать, — заметил он, — что у советских корреспондентов недостаточна понимание необходимости определенной направленности, партийности. Нет, главный камень преткновения в том, что многие из них не научились творчески выражать эту направленность, партийность. Нужно каждый художественный очерк, корреспонденцию, репортаж сделать реалистическим, пропитанным идейным содержанием не в смысле того, чтобы в конце или в начале статьи были сказаны слова «партийность», «социализм» и т. п., а чтобы сами факты, само действие приводило читателя к партийности».

Замечание, которое может послужить четким ответом тем из участников затронутой нами дискуссии, которым партийность кажется чем-то внешним, узкоформальным, ограничивающим свободу творчества (а при чтении некоторых дискуссионных статей бросаются в глаза сетования по поводу якобы неизбежной в нашу эпоху непримиримости требований политики и законов искусства). Да, наша сложная и трудная эпоха требует от художников соединения активной гражданственности и художественной эмоциональности, обязывает твердо определить свое место в рядах борцов и в то же время развивать творческую индивидуальность.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛНА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.